

Т. Е. Никольская,
к. филол. н., доцент
Литературного института

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ АНТРОПОНИМА В РАССКАЗЕ В.М. ШУКШИНА «АЛЕША БЕСКОНВОЙНЫЙ»*

Алеша Бесконвойный — главный герой одноименного рассказа В.М. Шукшина. О том, что это не личное имя, а прозвище читатель узнает в первых же строках произведения: «Его и звали-то — не Алеша, он был Костя Валиков, но все в деревне звали его Алешей Бесконвойным». ¹ В «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской термин *прозвище* определяется как «дополнительное неофициальное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством, по какой-либо аналогии, по происхождению и другим мотивам». ² Следовательно, прозвище способно выполнять характеристическую функцию, а будучи включенным в ткань художественного текста, в дополнение к этой функции способствует непосредственному раскрытию образа его носителя. Это значит, что, сталкиваясь с тем или иным прозвищем в литературном произведении, читатель прогнозирует проявление тех или иных черт или характеристик у персонажа, к которому это прозвище относится.

Какие же предположения может выстроить читатель о герое, носящем прозвище *Алеша Бесконвойный*? В большой степени содержание предположений зависит от лингвокультурологической компетенции читателя. Если он впервые сталкивается с этим словосочетанием, то, по всей вероятности, воспринимает каждый из его элементов по отдель-

* Статья написана на материале доклада на Горшковских чтениях Литературного института в ноябре 2003 г.

ности, в прямом стандартном значении: *Алеша* — гипокористика от календарного *Алексей*, указывает на неофициальную ситуацию общения, нейтрально в эмоциональном и оценочном плане, *Бесконвойный* — передвигающийся без конвоя. Такое прозвище могло бы появиться в тех местах, где возможность перемещаться без вооруженных сопровождающих является значимой. Следовательно, герой рассказа был или находится в момент действия рассказа среди заключенных. По прочтении рассказа становится очевидным, что этот вывод не соответствует истине, а для того чтобы понять, что же послужило основой прозвища, необходимо обладать более высоким уровнем языковой компетенции. Кроме того, подобное поверхностное восприятие номинации не может дать объяснения факту замены одного личного имени (*Костя*) на другое (*Алеша*). В реальной речевой практике встречаются случаи, когда человека именуют не его паспортным именем, а каким-либо другим, генетически с ним не связанным. Однако обычно подобная неофициальная смена имени не связана с особенностями поведения, внешности или обстоятельствами жизни именуемого, то есть, иначе говоря, не имеет прозвищного характера. Личное имя может перейти в разряд прозвищ в том случае, когда оно имеет определенное, одинаково воспринимаемое членами языкового коллектива ассоциативное поле или же когда ассоциативное наполнение перешло в состав семантического центра имени, что по сути своей означает частичную утрату антропонимом ономастического содержания. Гипокористика *Алеша* вызывает отрицательные ассоциации у некоторых групп носителей русского языка, чаще у проживающих в деревне. Так, в некоторых диалектах *Алешей* называли несерьезного человека, лгуна. В частности, В.И. Даль зафиксировал в своем словаре характерное для владимирских говоров употребление слов *Алеха* и *Алеша* в значении *лгун, хвастун, бахвал*. Указанные имена В.И. Даль ставит в один ряд с такими конструкциями, как: *Иванушка простачок, Емеля дурачок, Кузька плут, Наум разумник*, что указывает на устойчивый и сходный характер их восприятия.³ Из этого следует, что антропоним *Алеша*, неся определенный спектр ассоциаций, может относиться к двум сферам ономастического пространства — к личным именам и к прозвищам. Читатель, знающий о существовании прозвища *Алеша*, может предположить, что в рассказе пойдет речь о человеке несерьезном, отрицательно воспринимаемом окружающими. Вероятно, подобная перспекция в принципе не противоречит замыслу автора, но и она оказывается не совсем точной.

Для того чтобы заглавное имя вызвало предположения, совпадающие с художественными намерениями В.М. Шукшина, читатель должен быть компетентен в сфере русской фразеологии, так как *Алеша Бесконвойный* — это не свободное словосочетание, родившееся по воле автора рассказа, а фразеологизм со значением «*безнадежный дурак, глупый, невежественный человек*»⁴, синонимизирующийся с рядом других устойчивых оборотов с опорным словом, генетически

связанным с именем *Алеша*, как-то: *Алеха Сельский*, *Леха Боханский*, *Алеша Колымский* и *Алексей Петрович*. В.М. Мокиенко считает, что все эти идиомы являются результатом «фразеологического развития отрицательных характеристик, социально закрепленных в именах собственных. Алеша — имя, которым называли обычно представителей «черной кости» с приписываемой им глупостью, непонятливостью».⁵

Таким образом, достаточно высокий уровень лингвокультурологической компетенции позволяет читателю предположить, что Алеша Бесконвойный получил свое прозвище по причине того, что был глуповатым, недалеким человеком. Следовательно, еще не прочитав ни строки рассказа, читатель может составить представление о его главном герое.

В тексте литературного произведения происходит развитие значения собственного имени, или его семантизация. В рассказе «Алеша Бесконвойный» семантизация антропонима является отражением сложного творческого процесса и играет существенную роль в формировании художественного образа главного героя. Семантическая сложность заглавного имени собственного определяется полифоничностью рассказа, в котором можно выделить голоса двух рассказчиков. Первый рассказчик далек от автора и представляет собой одного из соседей главного героя. Второй — приближен к автору. Семантизация имени тоже идет по двум путям. Первый путь условно можно назвать эксплицитным, так как рассказчик-«сосед» дает прямую характеристику Алеша, второй путь, где рассказчик-«автор» раскрывает внутренний мир героя, не давая при этом оценки его поведению, можно определить как имплицитный.

В рамках эксплицитного пути семантизации обнаруживается подтверждение того представления о главном герое рассказа, которое мог составить наш гипотетический «достаточно квалифицированный читатель» на основании анализа дотекстового значения прозвища. Однако В.М. Шукшин смещает акцент с главного слова *Алеша* на зависимое *Бесконвойный* и именно его делает отправным пунктом семантизации. Например, в первых же строках повествования рассказчик-«сосед» объясняет, почему герой носит такое прозвище: «А звали его так вот за что: за редкую в наши дни безответственность, неуправляемость». Эти качества Алеша проявлялись в том, что он не работал в субботу и воскресенье и не поддавался влиянию общественности. Словообразовательное значение прилагательного *бесконвойный* поддерживается концентрированным употреблением лексических единиц с префиксом без-: «Впрочем, безответственность его не простиралась беспредельно: пять дней в неделю он был безотказный работник...»; «Пробовали, конечно, повлиять на него, и не раз, но все без толку». Таким образом привлекается внимание к прилагательному *Бесконвойный*, которое приобретает новый смысл в тексте, вырастающий тем не менее на дотекстовом нефразеологизированном значении этого слова. Аппеллятив *бесконвойный* относится к лагерному жаргону и имеет значение «расконвоированный заключенный; заключенный с пропуском».⁶ С точки

зрения заключенных конвоируемых, жизнь бесконвойных кажется более легкой и свободной. Видимо, как раз так и оценивают Алешину жизнь односельчане, им кажется, что он, работая пять дней в неделю, а не семь, как они, имеет более легкую жизнь. Стоит отметить, что в речи рассказчика-«соседа» нет прямой характеристики работы в колхозе, но косвенным образом отражается отношение к работе: в значении «прекращать работу» используется глагол *выпрягаться* («...но наступала суббота, и тут все: Алеша выпрягался»). Выпрягаться может тот, кто ранее был запряжен, то есть много и тяжело трудился (ср. выражение *работать как лошадь*) и был при этом несвободен. Следовательно, некую параллель между положением Алеши в деревне и бесконвойными заключенными провести можно: они обладают большей степенью свободы по сравнению с окружающими. В тексте слово получает дополнительное значение, имеющее оценочный характер: свободный > свободный от обязательств, от ответственности > безответственный. Это значение является доминирующим и определяет направление так называемой эксплицитной семантизации.

Эксплицитный путь семантизации прозвища представлен и в диалоге женщин, наблюдающих, как Алеша носит воду для бани:

«— Ты глянь, глянь, как пружинит! Чисто акробат!..

— И не плескает ведь!

— Да куда так несется-то?

— Ну, баню опять топить...

— Да рано же еще!

— Вот — весь день будет баней заниматься. Бесконвойный он и есть... Алеша».

Здесь читатель сталкивается с прямой характеристикой героя, словесно связанной с его прозвищем: «Бесконвойный он и есть... Алеша». Обычно такие конструкции используются для выражения негативной оценки объекта и состоят из повторяющихся слов, например: *дурак он и есть дурак*. В данном же случае вместо ожидаемого «Бесконвойный» (Бесконвойный он и есть Бесконвойный) появляется «Алеша», и происходит семантическое слияние компонентов прозвища, что приводит к подчеркиванию и окончательной определенности его значения, которое в данном контексте читается как *смешной, странный*.

Таким образом, семантизация прозвища, идущая по эксплицитному пути, пути рассказчика-«соседа», и подкрепленная диалогом женщин, строится на еще дотекстовом прогнозе и направлена на конкретизацию потенциальной читательской перспективы. Причем, само прозвище (его внутренняя форма и дотекстовое значение) играет существенную роль в развитии художественного значения антропонима, являясь стержнем, вокруг которого формируются текстовые смыслы. Эти и другие, вербально выраженные характеристики складываются в образ героя, показывают, как его воспринимают окружающие, отражают мнение деревни об Алеше. Итак, Алеша Бесконвойный — это (а) несерьезный человек, глупый и непонятливый (дотекстовое значение); (б) безот-

ветственный, неуправляемый, упрямый («Убеждай его, не убеждай — как об стенку горох»), смешной и странный в своих движениях и привычках, но в то же время в течение пяти дней в неделю — безотказный, старательный, умелый работник. Кроме того, читателю становятся известны некоторые факты внешней жизни Алеши («летом он пас колхозных коров, зимой был скотником — коচেгарил на ферме», «у него пятеро ребятишек, из них только старший добрался до десятого класса, остальной чеснок сидел где-то еще во втором, в третьем, в пятом...») и «В субботу он топил баню. ... Накалял баню, мылся и начинал париться. Парился, как ненормальный, как паровоз, — по пять часов парился!»). Таков образ главного героя рассказа, который формируется в результате эксплицитной семантизации.

В речи другого рассказчика, приближенного к автору, прозвище героя получает иное наполнение. Этот путь семантизации представляется имплицитным, потому что в нем, как уже говорилось, отсутствуют прямые характеристики персонажа. Рассказчик описывает одну из суббот, когда Алеша парился в бане. Однако для Алеши это не просто смывание грязи, а дорогое время самых сокровенных мыслей и воспоминаний: «Вот за что и любил Алеша субботу: в субботу он так много размышлял, вспоминал, думал, как ни в какой другой день». Внимание рассказчика, а следом за ним и читателя концентрируется на внутреннем состоянии героя. Алешу покидают суетные мысли и мелкие чувства еще когда он только готовится к бане: носит воду, колет дрова. Две эмоции охватывают Алешу: волнение и радость, но главное чувство, поглощающее его в субботу — это любовь. Любовь Алеши распространяется буквально на все: на погоду («Алеша такую погоду любил»), на огонь в каменке («Он вообще очень любил огонь»), на привычные действия («Тут Алеша любил оглядеться по своему хозяйству в предбаннике...»), «Очень любил пройти он из дома в баню как раз при такой погоде, когда холодно и сыро», «И любил Алеша — от полноты и покоя — попеть пока...», «В бане он любил помурлыкать частушки»), на людей («Алеша любил детей, но никто бы никогда так не подумал — что он любит детей: он не показывал», «Никому никогда не рассказывал Алеша про тот случай, а он ее любил, Алю-то»). Любовь — это и состояние души Алеши: «Последнее время Алеша стал замечать, что он вполне осознанно любит. Любит степь за селом, зарю, летний день... То есть он вполне понимал, что он — любит. Стал случаться покой в душе — стал любить». Лексема *любить* является ключевой в той части повествования, где ведущим рассказчиком выступает «автор», на что указывает и частотность употребления: в этом фрагменте текста слова с корнем *-люб(л)* — встречаются шестнадцать раз, что количественно превосходит все другие слова, называющие эмоции и чувства.

В субботу Алеша размышляет о жизни, любви и смерти, о смысле существования человека вообще и своего в том числе и переживает духовное очищение: «Всякое вредное напряжение совсем отпустило Алешу, мелкие мысли покинули голову, вселилась в душу некая цельность, крупность, ясность — жизнь стала понятной».

Таким образом, в ходе авторского повествования изначальная (до-текстовая) семантика прозвища стирается, эксплицитно выраженная в первой части рассказа семантика уходит на второй план, а перед читателем вырастает новый образ главного героя. Алеша Бесконвойный — это философ, человек, умеющий ценить и любить жизнь во всех ее проявлениях, человек, который может вырваться из плена бытовой рутины, забыть хотя бы на какое-то время о хлебе насущном и «серьезно вдумываться в жизнь: что в ней за тайна, надо ее жалеть или можно помирать спокойно». Очевидно, что такой образ главного героя вступает в противоречие с образом, сложившимся в речи первого повествователя. Эта противоречивость отнюдь не случайна, а имеет определенный художественный смысл, способствует созданию окончательно оформленного образа. Двуплановость образа, двойная (эксплицитная и имплицитная) семантизация прозвища показывают, что Алеша Бесконвойный — одинокий, никем не понятый человек. То, что о нем думают окружающие, не имеет никакого отношения к тому, что представляет собой Алеша на самом деле. Эта противопоставленность Алеша всем прочим окружающим его людям не обозначается в тексте напрямую, но выражается с помощью некоторых композиционных и речевых средств.

Ключом к пониманию двойственности образа главного героя служит его двуименность, на что указывается в первом же предложении рассказа. Причем, обращают на себя внимание глаголы, связанные с именем и прозвищем: «...он *был* Костя Валиков, но все в деревне *звали* его Алешей Бесконвойным» (Курсив мой. — Т. Н.). Настоящее имя героя вводится посредством глагола «был», который, как правило, не используется при номинации. В данном случае он указывает на подлинный, глубинный характер имени, на то, что есть такой человек — Костя Валиков, но для всех он — Алеша Бесконвойный, никто и не вспоминает его имени, как никто не знает его душу: настоящее имя и настоящий его носитель скрыты от посторонних глаз. Глагол *звали*, вводящий прозвище, контрастируя с глаголом *был*, воспринимается как нечто внешнее, случайное. Трудно сказать, была ли значима для В.М. Шукшина этимология имени и фамилии героя, как и, вообще говоря, на основе имеющихся словарей трудно судить о генезисе фамилии Валиков. Однако некоторые предположения все-таки сделать можно. В одном из рассказов В.М. Шукшина («Билетик на второй сеанс») встречается фразеологизм, вероятно, диалектного характера — *всю жизнь прожить валиком*, то есть легко, в свое удовольствие. Можно предположить, что *валик* в данном случае или то, что само «валится» в руки, или тот, кто как будто катится, легко идет по жизни. Такой счастливой легкостью и наполнена скрытая жизнь Алеша Бесконвойного. Однако даже если В. М. Шукшин давал имя главному герою рассказа, не учитывая его этимологии, то он, вероятно чувствовал его ассоциативный потенциал. Довольно часто творческие люди, идя путем интуиции, приходят к такому же результату, какой ученые достигают логическими

построениями и научными теориями. Так, в частности, метод фоносемантического анализа в большинстве случаев показывает, что подбор лексики в художественном произведении оказывается не случайным и способствует более яркому воплощению интересующей автора идеи не только на номинативном, но и на звуковом уровне, хотя вряд ли писатели проводили предварительный анализ значения фонетической формы лексических единиц.⁷ Сопоставление фонетических значений фамилии *Валиков* и прозвища *Бесконвойный* подтверждает эту мысль.⁸ *Валиков* — «величественное, хорошее, радостное, могучее». А ведь понятия хорошего и радостного являются центральными во второй части повествования. Так, описывая приготовления Алеши к бане, рассказчик-«автор» говорит о «тихой радости», о радости, которая «нет-нет да подмоет» сердце Алеши, о его старании «скрыть свою радость», так как «она почему-то всех раздражала, эта его радость субботняя». Получается, что фоносемантика «истинного» имени сближается с текстовой семантикой прозвища, сформированной во второй части рассказа. Фоносемантический анализ прозвища *Бесконвойный* показывает, что оно почти лишено характеристик, отражающих особенности эмоционально-чувственного восприятия: «веселое, быстрое, подвижное, короткое». Единственная характеристика подобного рода — веселый — опосредованно связана с восприятием Алеши односельчанина — «смешной».

В художественном тексте весьма показательным моментом является оценка литературного антропонима героями произведения, а особенно выражение персонажем отношения к собственной номинации. Часто негативное восприятие своего имени указывает на то, что герой чувствует несоответствие своего действительного положения в обществе желаемому, что он не вполне доволен своей жизнью⁹. Так и Алеша *Бесконвойный* свое прозвище воспринимает негативно, считает его несправедливым, тем самым отделяя от себя это именование: «Алеше нравилось, что у них можно, например, занять денег — все как-то повеселей в глаза людям смотришь. А то наладились: «Бесконвойный, Бесконвойный». Глупые».

Таким образом, в тексте рассказа просматривается противопоставление одного человека всем остальным, которое не вербализуется, но вырисовывается с помощью специальных речевых и композиционных приемов. Одним из таких приемов служит разнонаправленная семантизация собственного имени героя рассказа: одно направление отражает восприятие его людьми (дезорентирующая, ложная семантизация — знак непонятости Алеши окружающими), другое — показывает сущность его личности (истинная семантизация).

Если за литературным антропонимом стоит целостный художественный образ, то это может послужить основой деонимизации и, следовательно, послетекстовой жизни имени¹⁰. В этом случае антропоним может выступить в качестве производящей основы нового слова, обобщенно обозначающего наиболее яркую характеристику героя-носителя они-

ма (маниловщина, хлестаковщина, обломовщина и т. п.). Хотя прозвище *Алеша Бесконвойный* и не приобрело общезыкового значения, но оно по крайней мере однажды выступило как апеллатив и словообразовательная база для новой лексической единицы. А. Афанасьев в статье «Бесконвойный. Неюбилейные заметки в связи с юбилеем Василия Шукшина»¹¹ отождествляет автора В.М. Шукшина с его героем Алешей Бесконвойным, одновременно и возвращая прилагательному *бесконвойный* его дотекстовое значение, и обыгрывая текстовый смысл прозвища: «Будет таких внутренних бесконвойных, свободных людей миллионы, и, глядишь, вырвется и сдвинется из хляби наша жизнь. И это тоже, наверное, дальнзоркое пророчество. Пророчество-надежда бесконвойного Шукшина». На апеллативизацию указывают такие факты, как: написание слова *бесконвойный* со строчной буквы, контактное употребление определения *внутренний* и использование слова *бесконвойный* в качестве атрибута по отношению к антропониму. А. Афанасьев образует и новое слово — абстрактное существительное со значением «черта характера» — *бесконвойность*, поясняя его так: «внутренняя независимость», «внутренняя свобода». Очевидно, что новое понятие связано с тем значением прозвища, которое сформировалось в речи рассказчика, приближенного к автору, что еще раз подчеркивает художественную значимость семантизации, в основе которой лежит имплицитное построение.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Цит. по изданию: Шукшин В. Калина красная: Повести и рассказы. — М.: Изд-во Эксмо, 2003.
- ² См. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Наука, 1988. С.111.
- ³ Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 1. С. 10.
- ⁴ Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998. С. 22 — 23.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Мокиенко В.М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. — СПб.: Норинт, 2001. С. 59.
- ⁷ См. об этом подробнее в издании: Журавлев А.П. Звук и смысл: Кн. для учащихся.-2-е изд., перераб. и доп.-М.: Просвещение, 1991.
- ⁸ Фоносемантический анализ проводился с использованием ресурсов сайта www.analizfamilii.ru.
- ⁹ См., например, рассказ В.М. Шукшина «Миль пардон, мадам!», где герой считает, что его имя Бронислав не соответствует фамилии Пупков.
- ¹⁰ Фоякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. Учебное пособие. — Ленинград, 1990. С. 9.
- ¹¹ См. газету «Комсомольская правда» от 20 июля 2000 г.